

ны обязательных отношений у калмыков, было найти практически приемлемый путь и способ распространения на Калмыцкую степь буржуазных реформ. Весь смысл намечавшихся перемен должен был означать реорганизацию всех сторон жизни ее населения с учетом общегосударственных преобразований и местных особенностей [Бурчинова 1988: 121].

Источники

- Научный архив* Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (НА КИГИ РАН).
Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).
Полное собрание законов Российской империи. 1-ое собрание. 1649–1825 гг. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
Полное собрание законов Российской империи. 2-е собрание. 12 декабря 1825 — 28 февраля 1881 г. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
Полное собрание законов Российской империи. 3-е собрание. 1 марта 1881 — 1913 гг. СПб.: Государственная типография, 1885.

Литература

- Бурчинова Л. С.* Из истории управления калмыцким народом (XIX век) // Труды молодых ученых Калмыкии / КНИИИЯЛИ. Элиста, 1973. Вып. 3. С. 59–67.
Бурчинова Л. С. К историографическому изучению истории подготовки и проведения буржуазных реформ в Калмыкии // Калмыковедение: вопросы историографии и библиографии / КНИИИФЭ. Элиста, 1988. С. 112–122.
Костенков К. И. Результаты переписи калмыцкого народа, произведенной в декабре месяце 1868 года // Труды Астраханской губернии статистического комитета. Астрахань, 1869. Вып. 1. С. 148–163.
Костенков К. И. Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб.: Тип. С. Нусвальта, 1870. 170 с.
Леджинова Н. П. Подготовка реформы 1892 г. в Калмыцкой степи Астраханской губернии // Востокведные исследования в Калмыкии: сб. науч. тр. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2006. Вып. 1. С. 55–69.
Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII–XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2-х тт. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 1. 568 с.

УДК 316.443

ББК 63.3 (2Рос=Калм)

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ КАЛМЫКОВ В XIX ВЕКЕ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Н. П. Мацакова

Определение характера общественно-го строя калмыцкого общества является необходимым элементом в изучении истории Калмыкии. В той или иной мере эта проблема рассматривалась многими авторами, прежде всего, в связи с проблемой феодализма в кочевом обществе. На наш взгляд, для решения этого вопроса необходимо рассмотреть все многообразие мнений и взглядов, существующих на данный момент в литературе.

В историческом калмыковедении можно найти различные точки зрения по поводу определения характера общественного строя калмыков накануне реформы 1892 г. Исследователи XIX в. (Н. А. Нефедьев [1834], Ф. А. Бюлер [1846], П. И. Небольсин [1852], К. И. Костенков [1870], И. А. Житецкий [1892] и Я. П. Дуброва и др.) считали калмыцкое общество патриархально-родовым. Например, Я. П. Дуброва утверждал, что калмыки «до сих пор не пережили родового быта», а «привилегированное калмыцкое сословие с правами господ над рабами есть продукт искусственного создания» рус-

ского правительства, рассчитывавшего тем самым подчинить калмыцкий народ своей власти [Дуброва 1998: 158].

И. А. Житецкий охарактеризовал взаимоотношения нойонов с подвластными калмыками как «патриархально-рабовладельческие с правом власти высшего сословия не только над имуществом, но и над жизнью простонародья» [Житецкий 1892: 92]. Однако использование дефиниции «рабовладельческие отношения» в этом случае, по мнению А. Н. Команджаева, объясняется стремлением автора более рельефно показать своеобразие и особенности общественных отношений у калмыков [Команджаев 1988: 108].

Первым из советских историков, который считал, что характер отношений между классами у калмыков носил феодальный характер, был Г. З. Минкин, подходивший к данной проблеме с марксистских позиций. Он отрицал господство патриархально-родовых отношений в калмыцком обществе, так как это ставило под вопрос «наличие

классов и классовую борьбу в Калмыкии вплоть до революции», но признавал наличие пережитков родовых отношений в быту, обычаях, воззрениях калмыков. Он подчеркивал, что отсутствие частной собственности на землю не являлось аргументом для отрицания феодализма, главная особенность которого в Калмыкии заключалась в том, что он основывался на кочевом хозяйстве. Г. З. Минкин выделил в структуре калмыцкого общества два основных класса (феодалы и крестьяне) и отметил наличие крепостной зависимости последних, которая, по его мнению, существовала еще до прихода калмыков на Волгу [Минкин 1968: 7].

В целом в советской калмыковедческой литературе утвердилось мнение о том, что в XIX в. в экономике и социальной структуре калмыцкого общества господствовали феодальные отношения. Так, в «Очерках истории Калмыцкой АССР» говорится: «Во второй половине XIX в. в Калмыкии сохранялись феодальные отношения. Царское правительство, проводя крестьянскую реформу 1860-х гг., не коснулось калмыцких улусов. Калмыцкие нойоны, зайсанги и высшее буддийское духовенство сохраняли свое положение феодалов, а масса рядовых калмыков продолжала находиться от них в феодальной зависимости» [Очерки истории Калмыцкой АССР 1967: 171]. Причем социальные отношения «носили отчетливо выраженный феодальный характер, хотя и с пережитками дофеодального, патриархально-родового строя», и в XVII–XVIII вв. [Очерки истории Калмыцкой АССР 1967: 288–289].

Такой же точки зрения придерживался У. Э. Эрдниев, который полагал, что «по своему характеру общественные отношения в Калмыкии были феодальными. И в то же время они были переплетены с остатками патриархальных традиций и обычаев, которые сохранились от более ранней стадии развития» [Эрдниев 1985: 93]. Пережитками феодально-патриархальных отношений он называл сословность, общинные формы землепользования, огромное влияние буддийской религии на многие стороны жизни калмыцкого народа, приниженное положение женщин и др. [Эрдниев 1985: 93].

Некоторые историки XIX в., как и большинство уже советских ученых, давали свои характеристики общественному строю на основе толкования монголо-ойратских законов 1640 г. Условно их можно разделить на две группы. К первой относятся исследователи,

интересовавшиеся историко-юридической стороной источника, — Ф. И. Леонтович [1879], К. Ф. Голстунский [1880], И. Я. Гурлянд [1904]. Они считали «Ики Цааджи» памятником «первобытнообщинной, кочевой культуры», общественный строй кочевников представляли «патриархально-родовым», в котором сохранялись военно-дружинный принцип организации и наличие исключительно общинной формы собственности на землю [Леонтович 1879: 27]. Так, Ф. И. Леонтович полагал, что содержание законов «квалифицируется основными началами, присущими патриархально-родовой жизни народов кочевого типа» [Леонтович 1879: 27]. Такими, по его мнению, были «принципы родовой иерархии и подчинения, теократической силы и могущества жречества, интересы родового хищничества и самообороны с развивающимся на этой почве хищничества военно-дружинным устройством племен, наконец, примитивные, хищнические же порядки и обычаи экономического и социального быта» [Леонтович 1879: 27].

Ученых, представляющих вторую группу большинство. Еще Б. Я. Владимирцов считал, что памятники монгольского права 1640 г. отражали «степное феодальное право, получившее санкцию закона» [Владимирцов 1934: 22]. По мнению И. Я. Златкина, с которым был согласен крупный советский исследователь «Великого уложения» С. Д. Дылыков, одна из главных целей съезда 1640 г. заключалась в укреплении феодального строя и власти князей над крепостными — аратами [Их Цааз. «Великое уложение» 1981: 4]. Г. З. Минкин в своих выводах также опирался на анализ «Ики Цааджи», являвшегося, на его взгляд, «кодексом феодальных отношений, юридически подтверждающим неограниченные права феодалов-кочевников в отношении народа» [Минкин 1968: 7–8].

Такого же мнения придерживаются и многие калмыцкие историки, в частности А. Н. Команджаев, полагающий, что данным сводом законов были легализованы обязательные отношения, т. е. отношения зависимости от феодалов [Команджаев 1999: 151], причем В. Т. Самохин считал монголо-ойратские законы 1640 г. источником «обязательственного права»: «Нормы „Ик Цааджи“ указывают на ряд существовавших правоотношений, названных обязательствами» [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 2.

Д. 109. Л. 287]. Такими законами было признано право частной собственности, одним из главных объектов которой был скот [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 109. Л. 286–290].

Следует отметить, что в кочевниковедении до сих пор ведется дискуссия по вопросу об общественном строе кочевых народов. Ряд ученых считает, что в кочевых обществах преобладали родовые отношения, их оппоненты полагают, что у кочевников были классовые феодальные отношения, но при этом по-разному оценивают их уровень развития и степень зрелости. Например, М. М. Батмаев утверждает, что калмыцкое общество XVII–XVIII вв. было социально стратифицированным, и воздерживается от высказываний о том, что социальные отношения «носили отчетливо выраженный феодальный характер, хотя и с пережитками дофеодального, патриархально-родового строя. <...> так называемые „пережитки“ не являются на самом деле пережитками у кочевников нового времени, будучи перманентно присущей особенностью, служащей <...> в первую очередь для маркировки этносоциального статуса человека кочевых обществ, для сохранения единства этнополитических объединений» [Батмаев 2002: 327].

Он также не разделяет мнения, что «феодалная собственность на землю по-прежнему составляла основу общественных отношений у калмыков», «земля, используемая как пастбище, являлась главным средством производства кочевников-калмыков», а «феодалная земельная собственность выступала у них в завуалированной форме хотонного землепользования» [Батмаев 2002: 327]. На его взгляд, отношения неравенства и эксплуатации у калмыков XVII–XVIII вв. не могли базироваться на частной собственности на землю и скот, так как первой у них не существовало, а скотом владели и албату. Эти отношения «покоились на личной зависимости, вытекавшей из социальной принадлежности; последний фактор главенствовал и в хозяйственно-экономической сфере, позволяя верхним слоям эксплуатировать подчиненных через неравноправное использование пастбищных территорий, отдачу скота на выпас, сбор податей, употребление для услуг по дому и хозяйству — и все это фактически полностью через прямое внеэкономическое принуждение» [Батмаев 2002: 328].

Ученый отмечает, что «кочевые народы, находясь в составе большого государства, основное население которого является осед-

лым, промышленно-земледельческим, неминуемо подвергаются на различных этапах разному всестороннему влиянию социально-экономических и политических реалий, присущих этому государству. Экономические, политические и демографические факторы российской действительности, которые эволюционировали в сторону усложнения, формирования капиталистического уклада, становления абсолютизма, хотя и медленно, но безостановочно и поступательно деформировали основные устои кочевого образа жизни. Однако, даже находясь в составе мощного Российского государства и испытывая разнообразные влияния, калмыцкое кочевое общество сохраняло свои основные самобытные устои» [Батмаев 2002: 328–329].

По вопросу о том, на какой основе происходила эксплуатация, в литературе о кочевниках также имеются различные мнения. Одни авторы основой эксплуатации считали поземельную зависимость рядовых кочевников, а другая группа исследователей — собственность на скот [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 109. Л. 286–287].

Не принимая утверждения Г. Е. Маркова о том, что «кочевничество не знало крепостного права» [Марков 1976: 303], М. М. Батмаев полагает, что основой эксплуатации непосредственных производителей в калмыцком обществе XVII–XVIII вв. являлась их личная зависимость от нойонов-владельцев улусов. Вопреки мнению некоторых исследователей о том, что у кочевников не было личной зависимости, он убежден в том, что нойоны владели своими подвластными, так как «исходили из предпосылки принадлежности улусных людей их нойонскому роду на правах, так сказать, частной собственности» [Батмаев 2002: 234].

По его мнению, калмыцкое общество XVII–XVIII вв. правильнее будет называть не классовым, а сословным, т. е. состоящим из сословий и сословных групп. Исходя из анализа сословной структуры, социальных отношений и форм эксплуатации у калмыков в данный период, он делает вывод, что «они более всего соответствуют тому строю, который принято называть феодальным, и, соответственно, социальные отношения — феодальными отношениями» [Батмаев 2002: 234–235].

Согласившись с М. М. Батмаевым по вышеприведенным соображениям, мы считаем, что в XIX в. калмыцкое общество носило сословный характер и было социально страти-

фицированным, т. е. состоящим из нескольких сословий, иерархия которых выражалась в неравенстве их положения и привилегий.

Таким образом, отношения в калмыцком обществе накануне реформы 1892 г., «деформированные» различными факторами российской действительности, носили в целом феодальный характер, имели элементы крепостничества и выражались, прежде всего, в личной зависимости простолюдинов от владельческого сословия. Причем данные отношения в исторической литературе называются не крепостными, а «обязательными». Этот термин появился, видимо, неслучайно во второй половине XIX в. в официальных документах, прежде всего в проектах министерских комиссий и главных попечителей, занимавшихся подготовкой проектов ликвидации владельческой зависимости калмыков-простолюдинов и реорганизации системы управления.

Практически во всех этих проектах реформы, кроме Комиссии 1861 г. [Деев 2003], содержится единое мнение о сущности владельческих прав нойонов и зайсангов. Признавалось, что отношения между нойонами и другими владельцами, с одной стороны, и калмыками-простолюдинами, с другой стороны, стали взаимно-обязательными. Другими словами, нойоны и владельцы имели права и обязанности по управлению калмыками-простолюдинами, а последние должны были платить албан. Думается, правительство дифференцировало эти отношения от крепостных и соответственно считало необходимым подчеркнуть эту особенность общественного устройства калмыцкого народа, причем, на наш взгляд, нельзя отождествлять эти отношения с классическим феодализмом, под которым традиционно понимается общественно-экономический строй европейского средневековья с определенными особенностями в поземельно-личностных отношениях в разных странах.

Источники

Научный архив Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (НА КИГИ РАН).

Литература

- Батмаев М. М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII–XVIII вв. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 400 с.
- Бюлер Ф. А. Кочующие и оседло-живущие в Астраханской губернии инородцы. Их история и настоящий быт // Отечественные записки. СПб., 1846. Т. 47–49. № 7. С. 28; № 8. С. 59–125; № 10. С. 58–94; № 11. С. 2–44.
- Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: АН СССР, 1934. 223 с.
- Голстунский К. Ф. Монголо-ойратские законы 1640 г. Дополнительные указы Галдан-хунтайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. СПб.: Имп. Акад. наук, 1880. 144 с.
- Гурлянд И. Я. Степное законодательство с древнейших времен по XVII столетие // ИОАИЭ. Т. XX. 1904. 112 с.
- Деев С. Ю. Проекты общественного, административного и судебного устройства калмыков Астраханской губернии (1860–1882 гг.) // Вестник Калмыцкого института социально-экономических и правовых исследований. 2003. № 1. С. 164–165.
- Дуброва Я. П. Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 15 марта 1892 г. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 181 с.
- Житецкий И. А. Астраханские калмыки (наблюдения и заметки). Астрахань, 1892. 185 с.
- Житецкий И. А. Астраханские калмыки (наблюдения и заметки) // Сборник трудов членов ПОИАК. Астрахань, 1892. 185 с.
- Их Цааз. («Великое уложение»): Памятник монгольского феодального права / Ойратский текст, транслит. сводн. ойрат. текста, реконстр. монг. текста и его транслит., пер., введ. и коммент. С. Д. Дылыкова. М.: Наука, 1981. 148 с.
- Команджаев А. Н. И. А. Житецкий о калмыцком кочевом хозяйстве конца XIX в. // Калмыковедение: вопросы историографии и библиографии / КНИИИФЭ. Элиста, 1988. С. 103–111.
- Команджаев А. Н. Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX — начале XX века: исторический опыт и современность. Элиста: АПП «Джангар», 1999. 262 с.
- Костенков К. И. Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб.: Тип. С. Нусвальта, 1870. 170 с.
- Леонтович Ф. И. К истории права русских инородцев. Древний Монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий (Цааджин Бичик). Одесса, 1879. 282 с.
- Леонтович Ф. И. К истории права русских инородцев. Монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий. Цааджин Бичик. Одесса: Г. Ульрих, 1879. 282 с.
- Марков Г. Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1976. 320 с.
- Минкин Г. З. Об общественном строе Калмыкии и колониальной политике царизма / ред. Наберухин А. И.; КНИИИЯЛИ. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1968. С. 7–28.
- Небольсин П. И. Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб.: Тип. К. Крайя, 1852. 192 с.
- Нефедьев Н. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. СПб.: Тип. К. Крайя, 1834. 290 с.
- Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период / гл. ред. Н. В. Устюгов, И. Я. Златкин, Е. Н. Кущева и др. М.: Наука, 1967. 479 с.
- Эрдниева У. Э. Калмыки (конец XIX — начало XX вв.): историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 312 с.